

84PG
A 72

Виктор Дарынский

ТРЕТЬЕ МЕСТО В СТИЛЕ

БЫЛЛЕТОРФ ПЛАЖ

04.

Москва
«Физкультура и спорт»
1990

Виктор Драгунский

1913 - 1972

ТРЕТЬЕ МЕСТО В СТИЛЕ

БАЛЛЕТА ФУТБОЛА

Рисунки
Д
Вольского

84P7

РАБОЧИЕ ДРОБЯТ КАМЕНЬ

С самого начала этого лета, мы, все трое: Мишка, Костик и я — очень пристрастились к водной станции «Динамо» и стали ходить туда почти что каждый день. Мы раньше не умели плавать, а потом постепенно научились кто где — кто в деревне, кто в пионерских лагерях, а я, например, два месяца посещал наш плавательный бассейн «Москва». И когда мы все научились плавать, мы очень быстро поняли, что нигде не получишь такого удовольствия от купания, как на водной станции. Даю слово.

Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции на сыроватых и теплых её деревянных дорожках, вдыхать всеми ноздрями свежий и тревожный запах реки и слышать, как на высоких мачтах и тонких рейках трещат под ветром разноцветные шёлковые флажки и вода хлюпает и полощется где-то прямо под тобой в дощатых щелях; хорошо так лежать, и молчать, и загорать, раскинув руки, и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие-каменщики чинят набережную и бьют по розовому камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как

будто кто-то играет стеклянными молоточками на серебряном ксилофоне. И особенно хорошо, когда накалишься как следует, бухнуться в воду и наплаваться вдосталь, и напрыгаться с метровой тумбочки, и наныряться досыта, до отвала. А потом, когда устанешь, хорошо пойти к своим ребятам, пойти по горячим досточкам, втянув живот до позвоночника и выпятив грудь колесом и распирая бёдра и напружинив руки, а ноги ставя непременно носками внутрь, потому что это красиво и на водной станции иначе не пойдёшь, здесь так ходят все. Здесь тебе не самодельный пляжик с грязноватым песком и бумажками, здесь тебе не какой-нибудь травянистый тенистый бережок,— это там можно чапать как угодно,— а здесь водная станция, здесь порядок, чистота, ловкость, спорт, шик-блеск, и поэтому все здесь ходят по-чемпионски, на отлично, фасонно ходят,— иногда даже ходят гораздо лучше, чем плавают.

И вот поэтому мы все, Мишка, Костик и я, мы дня не пропускали и всё лето ходили сюда купаться, и загорели как черти, и здорово поднаучились плавать, и у нас появились мускулы, бицепсы и трицепсы, и мы на нашей станции облазили все углы и знали, где медпункт, где игры и всё такое, и в конце концов всё здесь стало для нас вроде бы как родное и обыкновенное. Мы привыкли.

И однажды мы лежали, как всегда, на досточках и загорали, и Костик вдруг сказал ни с того ни с сего:

— Дениска! А ты мог бы прыгнуть с самой верхней вышки в воду?

Я посмотрел на вышку и увидел, что она не слишком-то уж высокая, ничего страшного, не выше второго этажа, ничего особенного.

Поэтому я сейчас же ответил Костику:

— Конечно, смог бы! Ерунда какая.

Мишка тотчас же сказал:

— А вот слабо!

Я сказал:

— Дурачок ты, Мишка, вот ты кто!

Костик сказал:

— Же десять же метров!

— Ну и что?— сказал я.

— Слабо!— отрезал Костик.

И Мишка, конечно, его поддержал:

— Слабо, факт, слабо!— И добавил:— Слабо-би-бо!!!

Я сказал:

— Дурачки вы оба! Вот вы кто!

И тут я встал, растопырил рёбра, выкатил грудь, напружинил руки и пошёл к вышке. А когда шёл, всё время ставил носки внутрь.

Сзади Костик крикнул:

— Сла-би-бу-бе-бо!

Но я не стал ему отвечать. Я уже всходил на вышку.

Всё это время, что мы ходили на водную станцию, я каждый день видел, как с этой вышки прыгали в воду взрослые дядьки. Я видел, как они красиво выгибали спину, когда прыгали ласточкой, видел, как они перекувыркивались через голову по полтора раза, или переворачивались через бок, или складывались в воздухе пополам и входили в воду аккуратно и точно, почти совсем не подымая брызг, а когда выныривали, то выходили на доски, напружинив руки и выпятив грудь...

И это было очень красиво и легко, и я всю жизнь был уверен, что прыгаю не хуже этих дядек, но сейчас, когда лез, я решил для первого раза никаких фигур в воздухе не выстраивать, а просто прыгнуть прямо, вытянувшись в струнку, «солдатиком», это легче лёгкого! Я так просто, без затей, прыгну только для начала, а уж потом, в следующие разы я специально для Мишки такие буду выписывать кренделя, что Мишка только рот разинет. Пусть они с Кости́ком лучше молчат в тряпочку и кричат мне в догонку своё дурацкое — сла-би-бо!!!

И пока я так думал, у меня было весёлое настроение, и я быстро бежал по маленьким лесенкам вверх и вверх и даже не заметил, с какой быстротой я оказался на самой высшей площадке, на высоте десяти метров над уровнем станции.

И тут я вдруг увидел, что эта площадка очень маленькая, а перед нею, и по бокам, и далеко вокруг стоит какой-то раздвинутый, огромный и прекрасный город, он стоит весь в каком-то лёгком тумане, а тут, на площадке, шумит ветер, шумит не шутя, как буря, того и гляди сдует тебя с этой вышки. И совсем не слышно, как рабочие дробят камень, ветер заглушает их стеклянные молотки. И когда я глянул вниз, я увидел наш водный бассейн, он был голубой, но такой маленький, прямо величиной с папиросную коробку, и я подумал, что, если прыгну, вряд ли попаду в него, тут очень просто промахнуться, а тем более ветер не меньше шести баллов, он того и гляди снесёт меня куда-нибудь в сторону, в реку, или я бухнусь прямо в буфет кому-нибудь на голову, вот будет история! Или я чего доброго ужою прямо на кухню, в котёл с борщом! Тоже удовольствие. От этих мыслей у меня что-то зачесалось внутри коленок, и мне больше всего захотелось ещё раз услышать, как рабочие чинят набереж-

ную, и увидеть Костика и Мишку рядом с собой, все-таки они мои друзья...

И я потихоньку сделал несколько шагов назад, ухватился за перила и стал спускаться вниз, а когда спустился, настроение у меня опять было хорошее и на сердце стало легко-легко, как будто гора с плеч свалилась. И я очень обрадовался, когда увидел Мишку с Костиком и побежал к ним, а когда подбежал, остановился как вкопанный!.. Эти дураки хохотали во всё горло и показывали на меня пальцем! Они изображали, что сейчас лопнут от смеха. Они вопили:

— Он спрыгнул!

— Ха-ха-ха!

— Он сиганул!

— Хо-хо-хо!

— Ласточкой!

— Хе-хе-хе!

— Солдатиком!

— Хи-хи-хи!

— Храбрец!

— Молодец!

— Хвастец!

Я сел рядом с ними и сказал:

— Дурачки вы, и больше ничего! Неужели вы думаете, что я струсил?

Тут они прямо завизжали:

— Нет! Ха-ха-ха!

— Не думаем! Хо-хо-хо!

— Ты не струсил!

— Ты просто забоялся!

— Сейчас мы напишем про тебя в газету!

— Чтоб тебе медаль дали!

— За красивое спускание по лестнице!

Во мне прямо всё бурлило от злости! Какие всё-таки наглые типы, этот худющий Костыль и особенно Миха с его противным голосом! Они, видно, серьёзно воображают, что я струсил! Какая глупость! Олухи царя небесного!

Но я не стал ругаться и оскорблять их, как они меня. Ведь я-то знал, что мне ничего не стоит спрыгнуть с этой жалкой вышки! Поэтому я сказал им спокойно и вежливо:

— Наплевать на вас!

И стремглав кинулся к вышке и в пять секунд снова взбежал на самый верх! В это время солнце спряталось за тучу. Здесь было холодно и мрачно, ветер выл, и вышка немножко скрипела и покачивалась. Но я не стал задерживаться, я подошёл к самому краю, сложил руки по швам, зажмурился, чуть-чуть согнул коленки перед тем как прыгнуть, и... вдруг совершенно неожиданно я вспомнил про маму. И про папу тоже. И про бабушку. Я вспомнил, что сегодня утром, когда я убежал на «Динамо», я не попрощался с ними, и что теперь, очень может быть, я убьюсь насмерть, и я подумал, какое это будет для них несчастье. Просто горе будет, ведь им совершенно некого будет в жизни приласкать. Я представил себе, как мама всегда будет смотреть на мою карточку и плакать, ведь я у неё единственный, и у папы тоже. И у них в душе будет вечный траур, и они не будут ходить в гости и в кино, разве это жизнь? И кто же будет о них заботиться, когда они состарятся? Да и мне тоже без них будет плохо, я ведь тоже их люблю! Хотя мне-то уже плохо не будет, меня в живых не будет, я буду уже мёртвый и не увижу больше неба, и не услышу, как рабочие нежно дробят камень на набережной!..

И всё это из-за этих негодных Костыля и Михи?

Я ужасно возмутился и весь вскипел, что из-за таких дураков столько народу пострадает, и я подумал, что гораздо лучше будет, если я пойду и насую им по шее, и чем скорее, тем лучше.

И я опять спустился вниз.

Костик, когда увидел меня, встал на четвереньки и уткнулся головой в пол. И так, на голове, он побежал по кругу, как какой-нибудь жук. А Мишка был совершенно синий и булькал, у него была смеховая истерика.

Возле них сидела небольшая толпичка, разные девушки и парни. Они тоже смеялись. Видно, Костик с Мишкой рассказали им про это дело. Они очень весело смеялись, незнакомые эти люди, а мои друзья смеялись с ними заодно, они все вместе дружно надо мной смеялись...

И тут я почувствовал, что всё, что было до сих пор, это была чепуха! Просто я до сих пор не понимал, в чём тут суть! А сейчас, кажется, понял. И я повернулся и пошёл обратно на вышку. В третий раз! Они там сзади кукарекали мне вслед, блеяли и улюлюкали. Но я долез доверху и подошёл к самому краю. Коленки у меня дрожали. Но я схватил их руками и сжал и сказал себе тихонько, а когда говорил, слышал, как дрожит мой голос и клацают зубы.

Я бормотал:

— Ррохля!.. Вахля!.. Махля!!! Прыгай сейчас же! Ну! А то я разговаривать с тобой не буду! Руки тебе не подам! Ну! Прыгай же! Шухля! Опухля! Ну! Прыгай сейчас же! Тухля! Протухля! Вонюхля!

И когда я обозвал себя вонюхлей, я не выдержал обиды и шагнул вперёд. Сердце и желудок у меня сразу подкатились к горлу. И я, когда летел, не успел ничего подумать, просто я знал, что я прыгнул. Я прыгнул! Я прыгнул! Прыгнул всё-таки!!!

А когда я вынырнул, Мишка и Костик протянули мне руки и вытащили на доски. Мы легли рядом. Мишка и Костик молчали.

А я лежал и слушал, как рабочие бьют молотками по розовому камню. Звук долетал сюда слабо, нежно и робко, как будто кто-то играл стеклянным молоточком на серебряном ксилофоне.

Мотогонки по отвесной стене

Ещё когда я был маленький, мне подарили трёхколёсный велосипед. И я на нём выучился ездить. Сразу сел и поехал, нисколько не боясь, как будто всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

— Смотри, какой он способный к спорту!

А папа сказал:

— Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как весёлые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперёд или лёжа на седле и вертя педали какой угодно рукой — хочешь правой, хочешь левой;

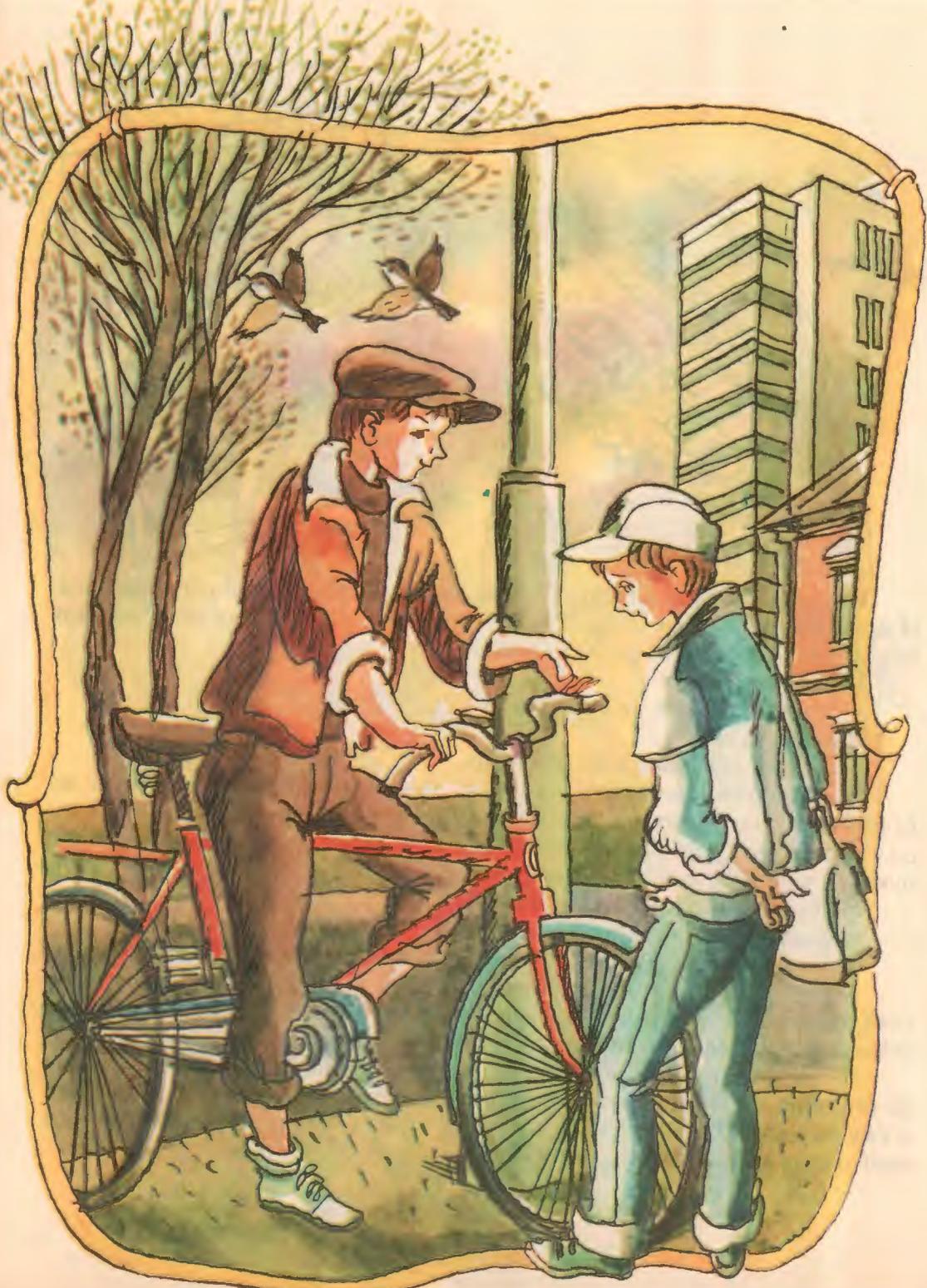
ездил боком, растопыря ноги;

ездил, сидя на руле, а то зажмурясь и без рук;

ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился по-всякому.

А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двухколёсным, и я опять очень быстро всё заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпионом мира и окрестностей».

И так я катался на своём велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нем сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл—это другое дело, автомобиль—тоже, ракета—ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед около трубы и ушёл. А я остался стоять тут же с разинутым ртом. Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

— Ну? Чего уставился?

Я говорю:

— Сам едет, понял?

Мишка говорит:

— Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу—чай пить.

Я спрашиваю:

— А трудно такой машиной управлять?

— Ерунда на постном масле,—говорит Мишка.— Она заводится с пол-оборота. Один раз нажмёшь на педаль, и готово—можешь ехать. А бензину в ней—на сто километров. А скорость—двадцать километров за полчаса.

— Ого! Вот это да!—говорю я.— Вот это машина! На такой показаться бы!

Тут Мишка покачал головой:

— Влетит. Федька убьёт. Голову оторвёт!

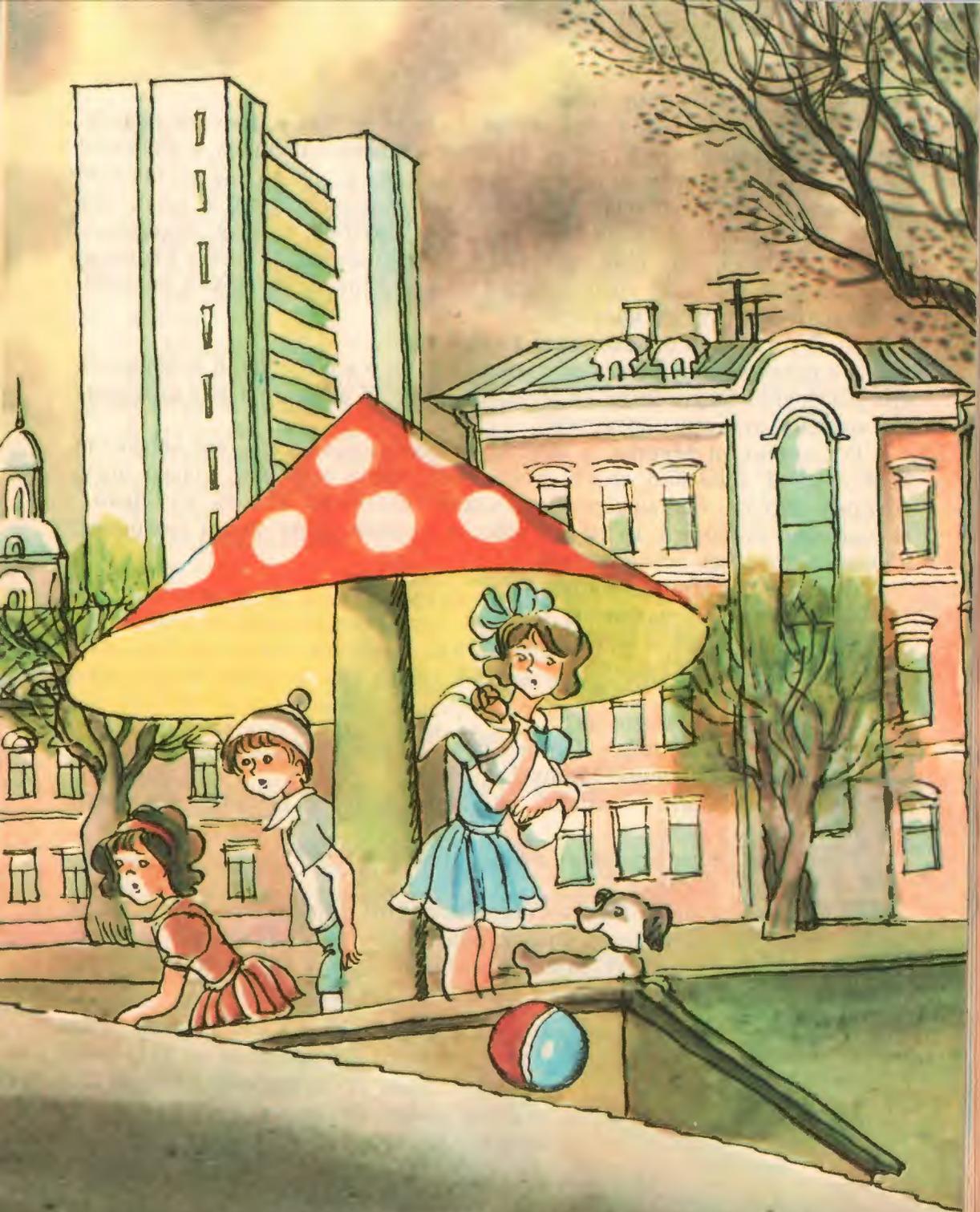
— Да. Опасно,—говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

— Во дворе никого нет, а ты все-таки «чемпион мира». Садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и всё пойдёт как по маслу. Обьедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас подолгу чай пьёт. По три стакана дует. Давай!

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макароновой отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал! Я поехал! Сам! На педали не жму — не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие! Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка всё бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали немножко колоть мурашки. И ещё мне стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

— Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

— Что? Говори громче!

Я кричу:

— Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал:

— Останови машину, Мишка!

Тогда он схватил машину за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орёт:

— Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку. Машина трещит себе как ни в чем не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Я кричу:

— Мишка, а где этот тормоз?

А он:

— Я забыл!

А я:

— Ты вспомни!

— Ладно, вспомню, ты пока покрутись ещё немножко!

— Ты скорей вспоминай, Мишка! — опять кричу я.

И проехал дальше и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошно как-то. А на следующем кругу Мишка снова кричит:

— Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

— Меня тошнит!

Если бы я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

— Надо достать матрас, на котором спят! Чтoб ты в него врезался и остановился! Ты на чём спишь?

Я кричу:

— На раскладушке!

А он:

— Тогда ездй, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин не кончится»... Это, может быть, ещё две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

— Сбегай за вашим Федькой!

— Он чай пьёт! — кричит Мишка.

— Потом допьёт! — ору я.

А он недослышал и соглашается со мной:

— Убьёт! Обязательно убьёт!

И опять всё завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемешку: домик, столбоуправление, грибеечка... И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я всё-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверное, кружил бы по двору до сих пор.

Третье место в стиле баттерфляй

Когда я шёл домой из бассейна, у меня было очень хорошее настроение. Мне нравились все троллейбусы, что они такие прозрачные и всех видеть, кто в них едет, и мороженщицы нравились, что они такие весёлые, и нравилось, что не жарко на улице и ветерок холодит мою мокрую голову. Но особенно мне нравилось, что я занял третье место в стиле баттерфляй и что я сейчас расскажу об этом папе,—он давно хотел, чтобы я научился плавать. Он говорит, что все люди должны уметь плавать, мальчишки особенно, потому что они мужчины. А какой же это мужчина, если он может потонуть во время кораблекрушения или просто так, на Чистых прудах, когда лодка перевернётся?

И вот я сегодня занял третье место и сейчас скажу об этом папе. Я очень торопился домой, и, когда вошёл в комнату, мама сразу спросила:

— Ты что так сияешь?

Я сказал:

— А у нас сегодня было соревнование.

Папа сказал:

— Это какое же?

— Заплыв на двадцать пять метров в стиле баттерфляй...

Папа сказал:

— Ну и как?

— Третье место! — сказал я.

Папа прямо весь расцвёл.

— Ну да? — сказал он. — Вот здорово! — Он отложил в сторону газету. — Молодчина!

Я так и знал, что он обрадуется. У меня ещё лучше настроение стало.

— А кто же первое занял? — спросил папа.

Я ответил:

— Первое место, папа, занял Вовка, он уже давно умеет плавать. Ему это не трудно было...

— Ай да Вовка! — сказал папа. — Так, а кто же занял второе место?

— А второе, — сказал я, — занял рыженький один мальчишка, не знаю, как его зовут. На лягушонка похож, особенно в воде...

— А ты, значит, вышел на третье? — Папа улыбнулся, и мне это было очень приятно. — Ну что ж, — сказал он, — всё-таки что ни говори, а третье место тоже призовое, бронзовая медаль! Ну а кто же на четвёртом остался? Не помнишь? Кто занял четвёртое?

Я сказал:

— Четвёртое место никто не занял, папа!

Он очень удивился:

— Это как же?

Я сказал:

— Мы все третье место заняли: и я, и Мишка, и Толька, и Кимка, все-все... Вовка — первое, рыжий лягушонок — второе, а мы, остальные восемнадцать человек, мы заняли третье. Так инструктор сказал!

Папа сказал:

— Ах, вот оно что... Всё понятно!..

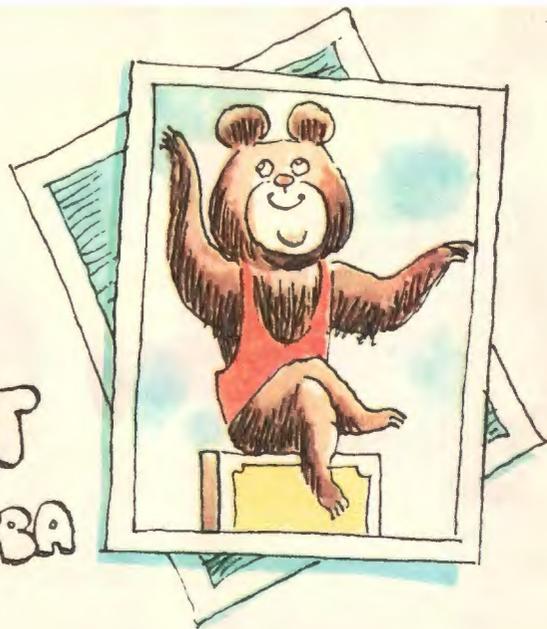
И он снова уткнулся в газеты.

А у меня почему-то совсем пропало хорошее настроение.

ДРУГ ДЕТСТВА

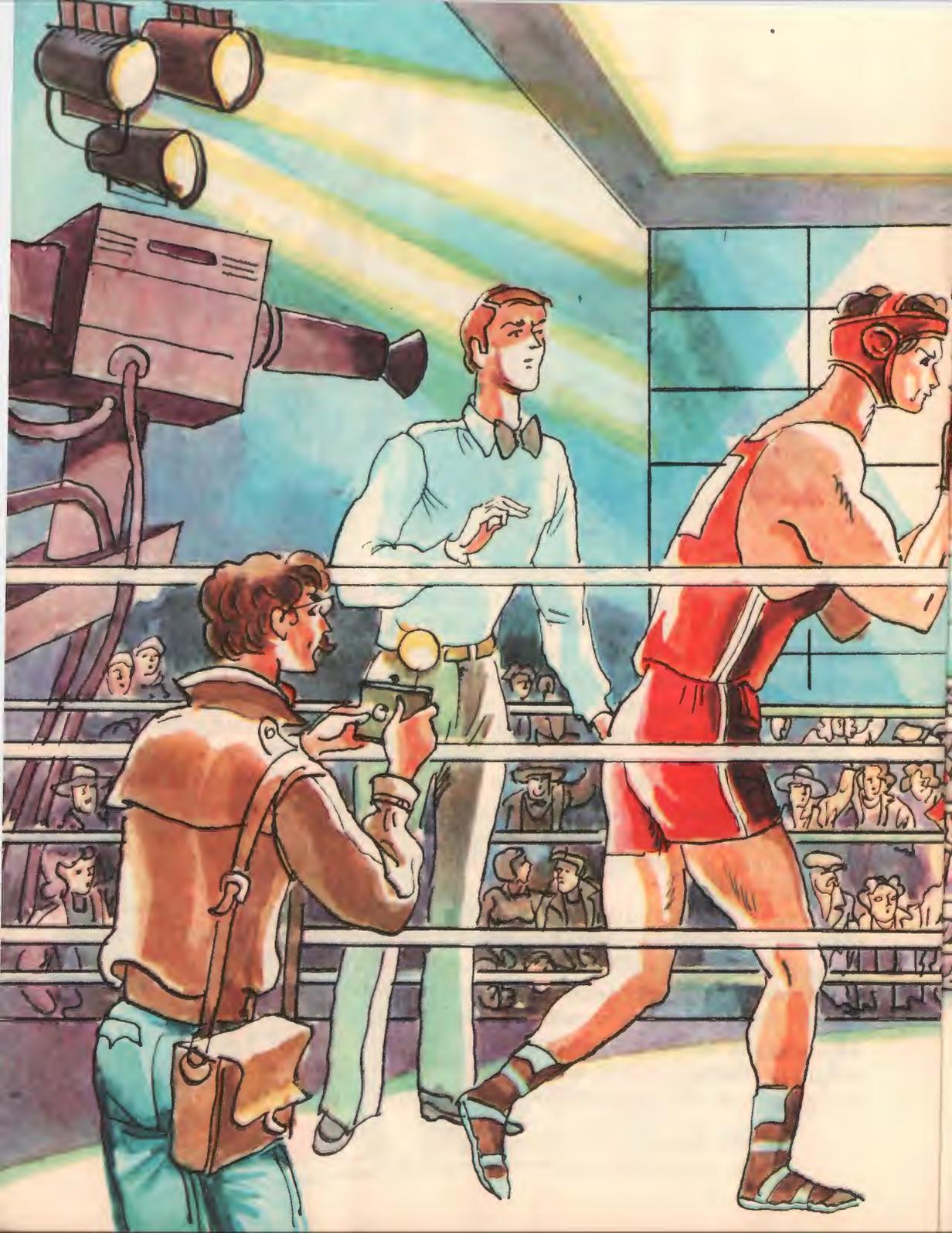

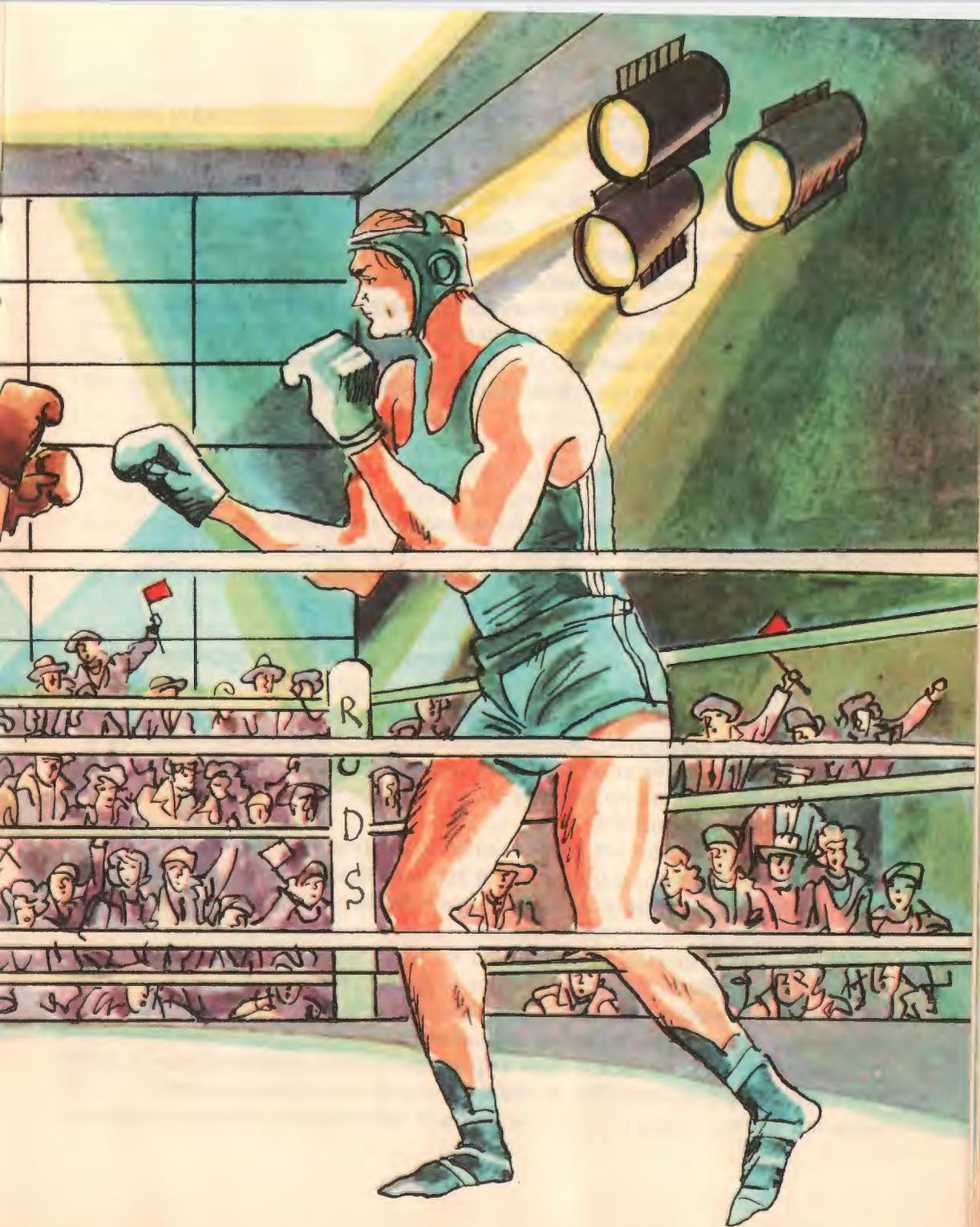
Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие синие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить себе там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро, и ходить в форменной фуражке, и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на углу челночке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия

только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе, как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

Он сказал:

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей десять или пятьдесят.

— Ты спятил, братец! — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку, в неё были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нащёпкой, обрывок паруса от

лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку. Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди какой тугой. Живот какой толстый. Ишь как выкатил! Чем не «груша»? Ещё лучше! И покупать не надо. Давай тренируйся сколько душе угодно. Начинай.

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать в себе силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — жёлтый, стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки, я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянчал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что,— сказала мама, она уже вернулась из коридора.— Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились в меня обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

Ровно
25
кило

Ура! Нам с Мишкой дали приглашенный билет в клуб «Металлист», на детский праздник. Это тётя Дуся постаралась — она в этом клубе главная уборщица. Билет-то она нам дала один, а написано на нём: «На два лица!» На моё, значит, лицо и на Мишкино. Мы с ним очень обрадовались, тем более это недалеко от нас, за углом. Мама сказала:

— Вы только там не балуйтесь.

И дала нам денег, каждому по пятнадцать копеек.

И мы пошли с Мишкой.

Там в раздевалке была страшная толчея и очередь. Мы с Мишкой встали самые последние. Очередь чересчур медленно двигалась. Но вдруг наверху заиграла музыка, и мы с Мишкой заметались из стороны в сторону, чтобы поскорее снять пальто, и многие ребята тоже, как только услышали эту музыку, заметались как подстреленные, и даже стали реветь, что они опаздывают на самое интересное.

Но тут откуда ни возьмись выскочила тётя Дуся.

Она закричала:

— Дениска с Мишкой! Вы чего там колготитесь-то? Сюда айда-те!

И мы побежали к ней, а у неё свой отдельный кабинет под лестницей, там щётки стоят и вёдра. Тётя Дуся взяла наши вещи и сказала:

— Здесь и оденетесь, чертенята!

И мы понеслись с Мишкой по лестнице, через ступеньки, наверх. Ну, а там, действительно, было красиво! Ничего не скажешь! Все потолки были увешаны разноцветными бумажными лентами и фонариками, всюду горели красивые лампы из зеркальных осколков, играла музыка, и в толпе ходили наряженные артисты: один играл на трубе, другой — на барабане. Одна тётушка была одета как лошадь, и зайцы тоже были, кривые зеркала, и Петрушка.

А в конце зала была ещё одна дверь, и на ней было написано: «Комната аттракционов».

Я спросил:

— Это что такое?

А Мишка сказал:

— Это разные затеи.

И правда, там были разные затеи. Например, там висело яблоко на нитке, и надо было заложить руки за спину, и так, без рук, это яблоко грызть. Но оно вертится на нитке и никак не даётся. Это очень трудно и даже обидно. Я два раза хватал это яблоко руками и кусал. Но мне не давали его сгрызть, а только смеялись и отнимали. Ещё там была стрельба из лука, а на конце стрелы не наконечник, а резиновая нашлапка, она присасывается, и вот кто попадёт в картонку, в центр, где нарисована обезьянка, — тому приз — хлопушка с секретом.

Мишка стрелял первый, он долго метился, а когда выстрелил, то разбил одну далёкую лампу, а в обезьяну не попал...

Я говорю:

— Эх ты, стрелок!

— Это я ещё не пристрелялся! Если бы дали пять стрел, я бы пристрелялся. А то дали одну — где тут попасть!

Я повторяю:

— Давай, давай! Гляди-ка, я сейчас же попаду в обезьянку!

И дяденька, который распоряжался этим луком, дал мне стрелу и говорит:

— Ну, стреляй, снайпер!

И сам пошёл поправить обезьянку, потому что она как-то покосилась. А я уже прицелился и всё ждал, когда он поправит, а лук был очень тугой, и я всё время приговаривал: «Сейчас я убью эту обезьянку», — и

вдруг стрела сорвалась, и хлоп! Вонзилась дяденьке в лопатку. И там, на лопатке, затрепетала.

Все вокруг захлопали и засмеялись, а дяденька обернулся как ужаленный и закричал:

— Что тут смешного? Не понимаю! Уходи, озорник, нет тебе больше никакого лука!

Я сказал:

— Я не нарочно! — и ушёл от этого места.

Просто удивительно, как нам не повезло, и я был очень сердитый, а Мишка, конечно, тоже.

И вдруг видим, стоят весы. И к ним небольшая весёлая очередь, которая быстро двигается, и все тут шутят и хохочут. И около весов клоун.

Я спрашиваю:

— Это что за весы?

А мне говорят:

— Становись, взвешивайся. Если в тебе окажется двадцать пять кило весу, тогда твоё счастье. Получишь премию: годовую подписку на журнал «Мурзилка».

Я говорю:

— Мишка, давай попробуем?

Гляжу, а Мишки нет. И куда он подевался, неизвестно. Я решил один попробовать. А вдруг я вешу ровно 25 кило? Вот будет удача!..

А очередь всё двигается, и клоун в шапке ловко так щёлкает рычажками, и всё шутит да шутит:

— У вас кило лишнее — меньше кушайте мучного! — Щёлк-щёлк! — А вы, уважаемый товарищ, ещё мало каши ели, и всего-то вы тянете девятнадцать килишек! Заходите через годик! — Щёлк-щёлк!

И так далее, и все смеются, и отходят, очередь движется, и никто не весит ровно двадцать пять кило, и вот доходит дело до меня.

Я влез на весы — рычажки щёлк-щёлк, и клоун говорит:

— Ого! Знаешь игру в горячо-холодно?

Я говорю:

— Кто ж не знает.

Он говорит:

— У тебя довольно горячо получилось. Твой вес двадцать четыре кило пятьсот грамм. Не хватает ровно полкило. А жаль. Будь здоров!

Подумаешь, всего только полкило не хватает!

У меня совсем настроение испортилось. Вот какой день невесёлый, невезучий!

И тут Мишка появляется.

Я говорю:

— Где это ваша милость пропадает?

Мишка говорит:

— Ситро пил.

Я говорю:

— Хорош, нечего сказать. Я тут стараюсь, «Мурзилку» выигрываю, а он ситро пьёт.

И я ему всё рассказал. Мишка говорит:

— А ну-ка я!

И клоун щёлкнул рычажком и захохотал:

— Небольшой перебор-с! Двадцать пять кило пятьсот грамм. Вам надо похудеть. Следующий! Мишка слез и говорит:

— Эх, зря я ситро пил...

Я говорю:

— А при чем здесь ситро?

А Мишка:

— Я целую бутылку выпил! Понимаешь?

Я говорю:

— Ну и что?

Мишка даже разозлился:

— Да разве ты не знаешь, что в бутылке помещается ровно пол-литра воды?

Я говорю:

— Знаю. Ну и что?

Тут Мишка прямо зашипел:

— А пол-литра воды это и есть полкило. Пятьсот грамм! Если бы я не пил, я бы весил ровно двадцать пять кило!

Я говорю:

— Ну да?!

Мишка говорит:

— Вот то-то и оно-то!

И тут меня словно осенило:

— Мишка,— сказал я,— а, Мишка! «Мурзилка» наш!

Мишка говорит:

— А каким образом?

Я говорю:

— А таким. Пришло моё время сидро пить. У меня как раз пятьсот грамм не хватает!

Мишка даже подскочил:

— Всё ясно, бежим в буфет!

И мы быстро купили бутылку воды, продавщица её откупорила, а Мишка спросил:

— Тётя, а в бутылке всегда ровно пол-литра, недолива не бывает?

Продавщица покраснела.

— Ты ещё маленький такие глупости мне говорить!

Я взял бутылку, сел за столик и начал пить. Мишка стоял рядом и смотрел. Вода была очень холодная. Но я выпил полный стакан просто залпом. Мишка сейчас же налил мне второй, но там ещё осталось на дне довольно много, а мне уже не хотелось больше пить.

Мишка сказал:

— Давай, не задерживай.

А я сказал:

— Уж очень холодная. Как бы ангину не схватить.

Мишка говорит:

— Ты не будь мнительным. Говори, струсил, да?

Я говорю:

— Это ты, наверно, струсил.

И стал пить второй стакан.

Он довольно трудно в меня лился. Я как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краёв.

Я говорю:

— Стоп, Мишка! Больше не войдёт.

Он говорит:

— Войдёт, войдёт. Это только так кажется! Пей!

Я попробовал. Не лезет.

Мишка говорит:

— Ты чего расселся, как барон? Ты встань, так влезет!

Я встал. И правда, допил стакан каким-то чудом. А Мишка сейчас же налил мне всё, что оставалось в бутылке. Получилось больше, чем полстакана.

Я говорю:

— Я сейчас лопну.

Мишка говорит:

— А как же я не лопнул? Я ведь тоже думал, что лопну. Давай, поднажми.

Я говорю:

— Мишка. Если. Я лопну. Ты. Будешь. Отвечать.

Он говорит:

— Хорошо. Пей давай.

И я опять стал пить. И всё выпил. Просто чудеса какие-то! Только я говорить не мог. Потому что вода перелилась уже выше горла и булькала во рту. И понемножку выливалась из носа.

И я побежал к весам. Клоун не узнал меня. Он сделал «щёлк-щёлк» и вдруг закричал на весь зал:

— Урра! Есть! Точно!!! Тютелька в тютельку. Годовая подписка на «Мурзилку» выиграна! Она досталась мальчику, который весит ровно двадцать пять килограмм. Вот квитанция, сейчас я её заполню. Похлопаем!

Он взял мою левую руку и поднял её вверх, и все захлопали, и клоун спел туш! Потом он взял вечное перо и сказал:

— Ну! Как тебя зовут? Имя и фамилия? Отвечай!

Но я молчал. Я был наполненный и не мог говорить.

Тут Мишка закричал:

— Его зовут Денис. Фамилия Кораблёв! Пишите, я его знаю!

Клоун протянул мне заполненную квитанцию и сказал:

— Скажи хоть спасибо!

Я мотнул головой, а Мишка опять закричал:

— Это он говорит «спасибо». Я его знаю!

А клоун говорит:

— Ну и мальчик! Выиграл «Мурзилку», а сам молчит как будто воды в рот набрал!

А Мишка говорит:

— Не обращайтесь внимания, он застенчивый, я его знаю!

И он схватил меня за руку и поволок вниз.

И я на улице немножко отдышался. Я сказал:

— Мишка, мне как-то не хочется нести эту подписку домой, раз во мне только двадцать четыре с половиной кило.

А Мишка говорит:

— Тогда отдай мне. Во мне-то ровно двадцать пять. Если б я не пил сидро, я бы сразу её получил. Давай сюда.

Я говорю:

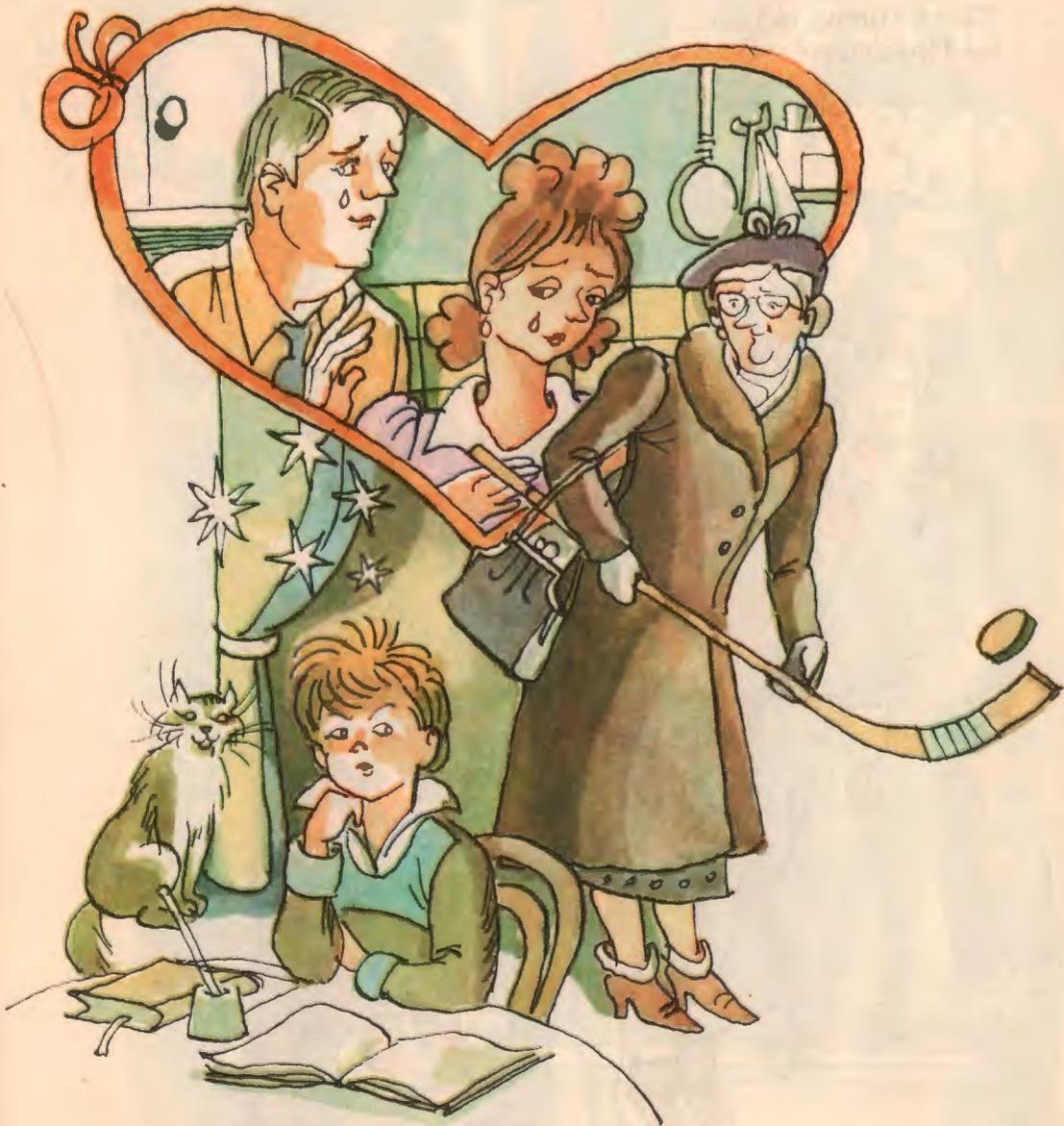

— Что же я, по-твоему, напрасно страдал? Нет уж, пусть она будет наша общая — напололам!

Тогда Мишка сказал:

— Правильно!

ШИВОРОТ- НАВЫВОРОТ

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главными и взрослые должны бы были их во всём слушаться. В общем, чтобы взрослые были, как дети, а дети, как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень бы было интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею, как хочу, да и папе, небось, тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего, она бы, наверно, целые дни от меня ревела бы. Что и говорить, я бы показал бы, почём фунт лиха, всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я ей сказал:

— Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кашей! Ешь сейчас же, тебе говорят!

И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду:

— Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!

И тут вошёл бы папа, после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

— Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мои руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щёткой три и не жалея мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти! Это просто когти! Где ножницы? Не дёргайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно! Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу!

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

— Ну, как поживаешь?

А она бы сказала тоже тихонько:

— Ничего, спасибо!

А я бы немедленно:

— Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь! Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты моё!

И они сидели бы у меня как шёлковые, а уж когда бы пришла бы бабушка, я бы прищурился, всплеснул бы руками и заголосил:

— Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щёки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать! Признавайся: опять в хоккей гоняла? А это что за грязная палка? Ты зачем её в дом приволокла? Что? Это клюшка? Убери её сейчас же с моих глаз — на чёрный ход!

Тут я бы прошёлся по комнате и сказал бы им всем троим:

— После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!

Конечно, они бы сейчас же заныли бы, захныкали:

— И мы с тобой! И мы тоже! Хотим в кино!

А я бы им:

— Ничего, ничего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк возил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день! Дома сидите! Натё вам вот тридцать копеек на мороженое, и всё!

Тогда бы бабушка взмолилась:

— Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребенок может провести одного взрослого бесплатно!

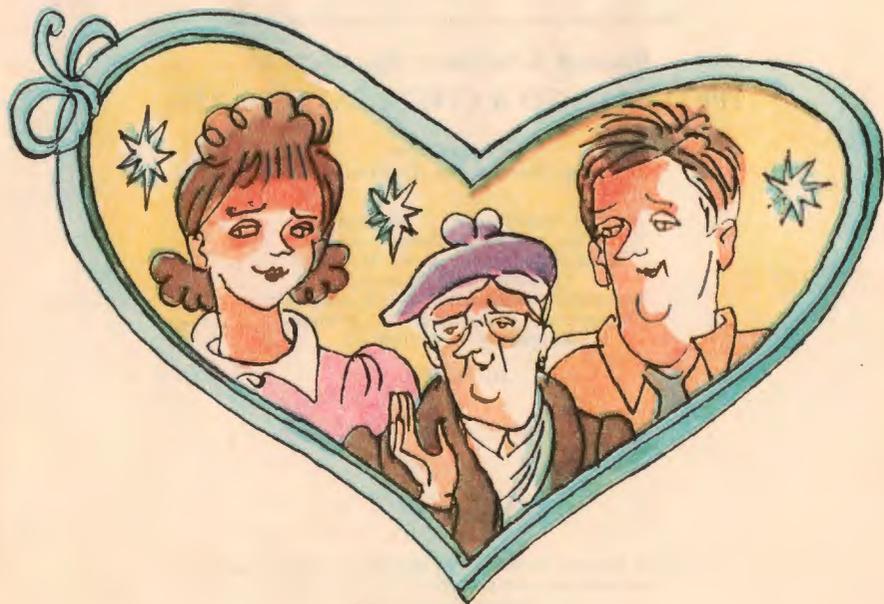
Но я бы увильнул, я сказал бы:

— А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещён. Сиди дома!

И я бы прошёлся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками,

как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого ещё хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы... Но я не успел придумать, что бы я сказал бы, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

— Ты ещё сидишь? Ешь сейчас же, посмотри на кого ты похож! Вылитый Кашей!

ББК 84.Р7
Д 72

Издание для детей младшего школьного возраста

Виктор Юзefович Драгунский
ТРЕТЬЕ МЕСТО В СТИЛЕ БАТТЕРФЛЯЙ

Составитель
Алла Васильевна Драгунская

Зав. редакцией *В. Л. Штейнбах.*
Редактор *В. Я. Шабельникова.*
Младший редактор *А. Ю. Матвеева.*
Художник *Р. А. Вольский.*
Художественный редактор *А. В. Амастор.*
Технический редактор *Н. А. Суровцова.*
Корректор *А. А. Паврова.*

ИБ № 2743

Ордена Почета издательство «Физкультура и спорт»
Государственного комитета СССР по печати.
101421, Москва, Каляевская ул., 27.

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового
Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.

Сдано в набор 20. 02. 90. Подписано к печати 18. 04. 90. Формат 70 × 90/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс.
Офсетная печать. Усл. п. л. 3,51. Усл. кр.-отг. 14,63. Уч.-изд. л. 4,07. Тираж 300 000 экз. Издат. № 8358. Зак. 3991.
Цена 35 коп.

Печать и изготовление тиража в типографии издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград обл.,
ул. Карла Маркса, 18.

Д 4801000000-058 24-90
009(01)-90

ISBN 5-278-00218-2

© В. Драгунский, 1990

